

любекской торговли в Ливонии после фундаментальной трансформации Немецкой Ганзы, вызванной изменением политической ситуации в восточной Прибалтике. Книга содержит сведения о характере торговли, ее масштабах, товарном ассортименте, основных участниках – будь то купцы или шкиперы, трудностях, которые возникали у любечан при осуществлении предпринимательской деятельности в условиях войны, а также в ней нашло отражение восприятие купцами той фундаментальной перестройки русско-ганзейских отношений, свидетелями которой они являлись. Дальнейшее изучение указанного источника позволит значительно расширить имеющиеся знания о затрагиваемой проблематике.

1. Ушаков, А. В. «Новгородские гости» Любека. Письма и материалы. 1409–1560 / А. В. Ушаков. – Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2022. – 188 с.
2. Ушаков, А. В. Особенности торговой стратегии «новгородских гостей» Любека в XV веке / А. В. Ушаков // Россия – Германия в образовательном, научном и культурном диалоге. – Псков : Конкорд, 2021. – С. 152–158.
3. Archiv der Hansestadt Lübeck. Privat Archiv. Novgorodfahrerkompanie (05.1–1/03). № 2.
4. Archiv der Hansestadt Lübeck. Privat Archiv. Novgorodfahrerkompanie (05.1–1/03). № 16.
5. Archiv der Hansestadt Lübeck. Privat Archiv. Novgorodfahrerkompanie (05.1–1/03). № 155.
6. Tallinna linna archiv, f. 230, BB 40 XIV, fol. 1–209.
7. Harder, E. Seehandel zwischen Lübeck und Rußland im 18. Jahrhundert (Ersten Teil) / E. Harder // Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde. – 1961. – Bd. 41. – S. 43–114.
8. Harder, E. Seehandel zwischen Lübeck und Rußland im 17/18. Jahrhundert (Zweiter Teil) / E. Harder // Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde. – 1962. – Bd. 42. – S. 5–54.
9. Harder-Gersdorff, E. Lübeck, die Kompanie der Novgorodfahrer und der Russlandhandel vor der Gründung St. Petersburgs. Eine Untersuchung zum 17. Jahrhundert / E. Harder-Gersdorff // Hansische Geschichtsblätter. – 2002. – Bd. 120. – S. 97–147.
10. Iwanov, I. A. Die Hanse im Zeichen der Krise. Handlungsspielräume der politischen Kommunikation im Wandel (1550–1620) / I. A. Iwanov. – Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau Verlag, 2016. – 420 s.
11. Köhler, M. Die Narvafahrt: Mittel- und westeuropäischer Rußhandel / M. Köhler. – Hamburg : Kovac, 2000. – 173 s.
12. Siewert, F. Geschichte und Urkunden der Rigafahrer in Lübeck im 16. und 17. Jahrhundert / F. Siewert. – Berlin : Verlag von Pass und Garleb, 1897. – 501 s.

Ерохин В.Н.

ФОРМИРОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «ПУРИТАНИЗМ» В ИСТОЧНИКАХ ПО ИСТОРИИ РЕФОРМАЦИИ В АНГЛИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI – НАЧАЛЕ XVII В.

Пуританизм со времени своего появления в истории Англии в эпоху Реформации занял заметное место в политической жизни и культуре страны. Но сразу вслед за вхождением в оборот понятия «пуританизм» в середине XVI века словоупотребление было крайне неопределенным. Слово «пуританин» и в XVI веке, и позднее использовалось, скорее, как своего рода ярлык или даже оскорбительное прозвище, чем как точное определение [1, р. 10; 2, р. 6]. Употребление ярлыка «пуританин» в отношении кого-либо могло быть просто клеймом в полемике, а не точным определением [3, р. 158].

До появления термина «пуританизм» в отношении тех сторонников более радикальных религиозных реформ в направлении сближения Церкви Англии с континентальными реформированными церквями, которые были не довольны принятым в парламенте Англии в апреле 1559 года решением о восстановлении протестантизма в стране, употреблялся термин «precisian» (формалист, педант) [4, р. 53]. Относительно термина «сепаратизм», тоже появившегося в контексте этого процесса (сепаратистами стали именовать тех, кто, в отличие от пуритан, с конца 1560-х годов стал выходить из Церкви Англии, считая, что она не поддается дальнейшему реформированию и в ней неустранимо сохраняются остатки «папизма») есть следы его употребления с 1608 года [5, р. 491]. Термин «англиканский» в религиозном смысле слова впервые появляется в «Оксфордском словаре английского языка» с 1797 года как цитата из сочинений Эдмунда Бёрка (1729–1797) [6, р. 3], но К. Рассел находил термин «англиканский» уже в 1635 году [7, р. 84].

В отношении вопроса о начале употребления терминов «пуританин» и «пуританизм» исследователи сравнительно единодушны. Эти понятия вошли в оборот после того, как архиепископ Кентерберийский Мэтью Паркер (1559–1575) с 1565 года стал требовать единообразия в облачениях священников, а не согласных с распоряжениями архиепископа стали называть пуританами. Возникновение этой ситуации было связано с тем, что многие из пуритански настроенных духовных лиц побывали в эмиграции на европейском континенте, и одевали для религиозных служб, как и там, обычный гражданский костюм, отказывались носить ризу и стихарь, квадратные головные уборы, чего требовали церковные администраторы. События эти описаны историками XVII в. Питером Хейлином (1599–1662) и Томасом Фуллером (1654–1734). Фуллер относил начало употребления термина к 1564 г. [8, р. 18], а Хейлин – к 1565 году, и называл пуритан цвинглианской или

кальвинистской фракцией [6, р. 19]. В «Оксфордском словаре английского языка» термин и его появление относят к 1567 году, что историками приводится как пример неточности [9, р. 86].

Современные исследователи, в частности, американский историк Р. Гривз, считают, что термин «пуританизм» был впервые употреблен в католических кругах: его использовал английский католик-эмигрант Томас Стэплтон в сочинении «Крепость веры» (Антверпен, 1565) как эпитет по отношению к английским протестантам, выступившим против ношения традиционных облачений священников. Еще один английский католик, Джон Маршел, бывший преподаватель Оксфорда, использовал этот термин в 1566 году, а к 1568 году английские католики употребляли его и по отношению к сепаратистам [10, р. 4]. П. Хейлин, опираясь на данные современников событий, утверждал, что первым термин «пуританин» употребил иезуит Николас Сандерс (1530–1581) [8, р. 18]. Первое обнаруженное упоминание термина церковными властями в Англии относится к 1572 году, когда архиепископ Кентерберийский Паркер назвал так радикальных протестантов внутри Церкви Англии. По отношению к ним он использовал и другие выражения: «эти глупые отказники (recusants)», «эти добрые духовные лица», этот «педантичный народ», «формалисты» [11, р. 8].

Употребление и понимание термина «пуританизм» эволюционировало с течением времени. Американский историк А. Симпсон следующим образом резюмировал историю использования этого понятия: «оно появилось как насмешка, затем использовалось для самозащиты, и в итоге установилось, как удобное обозначение» [12, р. 1].

Х. К. Портер проделал работу по сбору высказываний о пуританах, относящихся ко второй половине XVI в. [13], и показал, что богословы Церкви Англии того времени быстро дали оценку появлению пуритан в контексте истории западного христианства, связав их с ранее появлявшимися еретическими течениями. Само название новой группировки – пуритане, происходящее от латинского слова *purus* (чистый), в переводе на греческий язык, по мнению англиканских апологетов, выявляло идейные корни пуританизма. Чистый по-гречески «катарос» (καθαρος): именно катары претендовали ранее на совершенство и чистоту в сравнении с другими членами церкви. Далее история этой мыслительной установки и соответствующей религиозной практики прослеживалась через альбигойцев, в идейные соратники пуритан богословы Церкви Англии зачислили также анабаптистов, чтобы все выглядело угрожающим и разрушительным для общества [13, р. 2].

Идейное сродство с такими далеко не почтенными, по их собственным понятиям, предшественниками сильно уязвило пуритан. Как писал, например, архиепископ Кентерберийский Джон Уитгифт (1583–1604), «имя пуритан дано этим людям очень удачно. Не потому, что они чисты, они чисты не более, чем те еретики, которых называли катары, но потому, что они считают себя чище других, как и катары, и отделяют себя от всех других церквей и общин, как запятнанных и загрязненных; потому, что они думают, что церковь, которую они создают, будет без всякой нечистоты...» [13, р. 1].

Такие обвинения вынуждали пуритан в 1570–1580-е годы отрешиваться от самого имени пуритан. К. Хилл приводит выдержку из петиции пуритан в Тайный совет в 1580 году: «Противник очень коварно окрестил нас одиозным именем пуритан, мы же презираем и это имя, и эту ересь» [14, р. 14]. Сами же пуритане называли себя в 1560–1570-е годы, да и позднее, «истинными евангелистами» (*true gospellers*), «набожными» (*the godly*), «исповедующими истинную религию» (*professors of true religion*) [11, р. 8]. По словам Л. Сасека, имя пуритан стало почтительным только в ретроспективе, для современников же такое прозвище было крайне неодобрительным – «очень немногие стали бы хвастаться тем, что они пуритане, но теперь многие гордятся тем, что происходят от пуритан» [6, р. 2].

В первой половине XVII в. пуритане получили от своих противников и другие прозвища – их стали звать «мятежными сектантами», «схизматиками», «круглоголовыми» (привычка коротко стричься отмечалась еще и у сепаратистов в XVI веке) [6, р. 18]. В период Реставрации Стюартов некоторое распространение получило отождествление терминов «пуританин» и «кальвинист», и в 1676 году английский лексикограф Элиша Коулз (1640–1680) в своем «Английском словаре» определил пуритан как «прозвище кальвинистов» [6, р. 19].

Таким образом, термин «пуританизм» достался современным исследователям используемым в благоприятном смысле, но в самом широком значении и неопределенно [6, р. 4].

Большинство английских и американских историков отстаивают целесообразность употребления понятия «пуританизм». Как пишет Р. Гривз, «важно то, что пуритане были узнаваемы для англикан как пуритане, люди, чей религиозный опыт, личное поведение и рвение придавали им идентичность» [23, р. 8]. П. Макграт считал, что церковные власти преследовали пуритан не за более интенсивную религиозность, а за отклонения во взглядах на литургию, церемонии и управление церковью [15, р. 35]. Р. Маршант полагал, что разногласия между пуританами и англиканами в доктрине реально проявлялись, в том числе, и во внешне не существенных пунктах – ношении стихаря или отказе от него, использовании крестного знамения при крещении и т. п. [16, р. 205–206].

Церемонии, ритуалы всегда отражают приверженность тем или иным доктринальным идеям. В глазах самих пуритан, их разногласия с Церковью Англии были значительными – так, «Предостережение парламенту» в 1572 году, которое, правда, вышло из кругов радикальных пуритан, утверждало, что споры касаются важных вопросов – истинного понимания священства, управления церковью, согласно Св. Писанию, а не чего-то тривиального [15, p. 40].

В последние десятилетия историки пуританизма обычно не включают в число пуритан сепаратистов, мотивируя это тем, что пуритане стремились реформировать Церковь Англии изнутри, их не устраивала перспектива раскола, а сепаратисты покидали церковь и формировали свое сообщество. Сепаратистов изучают отдельно от пуритан, хотя и видят взаимопереходы в этих группах. Р. Гривз предпочитает в связи с этим говорить о «религиозном континуитете», подчеркивая возможность изменений взглядов у отдельных представителей разных религиозных течений [10, p. 29].

Особую проблему составляет определение и характеристика североамериканского пуританизма, поскольку епископальная церковь в североамериканских колониях не сложилась, так что американские пуритане, в сущности, представляют собой группировку, которую можно причислить к сепаратистам. Сепаратистами были отцы-пилигримы, прибывшие в Америку на корабле «Мэйфлауэр» 21 ноября 1620 года. Американские пуритане обычно рассматриваются как «не отделившиеся конгрегационалисты» (Non-Separatist Congregationalists): об официальном отделении от Церкви Англии они объявлять не хотели [17, p. 75, 87; 18, p. 243].

Из удачных и содержательных дескриптивно-аналитических определений пуританизма, появившихся к настоящему времени, обращает на себя внимание определение, предложенное Брайаном Косби: ««пуританином» был тот, кто в политическом отношении выступал в церковных делах против среднего пути (*via media*) елизаветинского урегулирования церковного вопроса (*Elizabethan Settlement*) за дальнейшую реформацию в Англии; кто в социальной деятельности церкви способствовал евангелизации, катехизации, духовному развитию через проповедь, изучение Библии; кто в богословском отношении придерживался лютеранской доктрины оправдания одной верой (*sola fide*), кальвинистской доктрины благодати (*sola gratia*) и реформационной доктрины опоры на одно лишь Писание (*sola scriptura*); и кто благочестиво боролся за личную святость, за практические дела в соответствии с верой, сопричастность Богу и прославление Бога во всех делах». При этом Б. Косби считает, что к числу пуритан следует относить тех, кто продолжал бороться за церковные реформы, оставаясь в Англии, а те лица с пуританскими взглядами и наклонностями, которые уезжали в североамериканские колонии, превращались в «сепаратистов» [19, p. 307].

Краткого определения понятия «пуританизм», видимо, не появится. При этом контексты и основные смыслы в употреблении этого термина к настоящему времени довольно обстоятельно проработаны и раскрыты, что позволяет идентифицировать пуритан в практике конкретно-исторических исследований, и разъяснить, что представляет собой пуританизм, для более широкого круга читателей.

1. Reese, M. M. *The Puritan Impulse. The English Revolution, 1559–1660* / M. M. Reese. – London : Adam and Charles Black, 1975. – 128 p.
2. Rose, E. *Cases of Conscience. Alternatives Open to Recusants and Puritans under Elizabeth I and James I* / E. Rose. – Cambridge : Cambridge University Press, 1975. – 266 p.
3. Parker, K. L. *The English Sabbath. A Study of Doctrine and Discipline from the Reformation to the Civil War* / K. L. Parker. – Cambridge : Cambridge University Press, 1988. – 250 p.
4. Haugaard, W. P. *Elizabeth and the English Reformation. The Struggle for a Stable Settlement of Religion* / W. P. Haugaard. – Cambridge : Cambridge University Press, 1968. – 391 p.
5. Knappen, M. M. *Tudor Puritanism. A Chapter in the History of Idealism* / M. M. Knappen. – Chicago : University of Chicago Press, 1939 (2nd ed. 1970). – XVI, 555 p.
6. *Images of English Puritanism. A Collection of Contemporary Sources, 1589–1646* / ed. by L. Sasek. – Baton Rouge ; London : Louisiana State University Press, 1989 – 369 p.
7. Russell, C. *The Causes of the English Civil War* / C. Russell. – Oxford : Clarendon Press, 1991. – 236 p.
8. Pearson, A. F. S. *Thomas Cartwright and Elizabethan Puritanism, 1535–1603* / A. F. S. Pearson. – Gloucester (Mass.) : Peter Smith, 1966. – 511 p.
9. Collinson, P. *The Elizabethan Puritan Movement* / P. Collinson. – London ; New York : Methuen, 1982. – 528 p.
10. Greaves, R. L. *Society and Religion in Elizabethan England* / R. L. Greaves. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 1981. – 925 p.
11. Collinson, P. *English Puritanism* / P. Collinson. – London : The Historical Association, 1984. – 47 p.
12. Simpson, A. *Puritanism in Old and New England* / A. Simpson. – Chicago : The University of Chicago Press, 1955. – 126 p.
13. Porter, H. C. *Puritanism in Tudor England* / H. C. Porter. – London : Macmillan, 1970. – 311 p.
14. Hill, Ch. *Society and Puritanism in Pre-Revolutionary England* / Ch. Hill. – New York : Schocken Books, 1967. – 520 p.
15. McGrath, P. *Papists and Puritans under Elizabeth I* / P. McGrath. – London : Blandford Press, 1967. – 434 p.
16. Marchant, R. A. *The Puritans and the Church Courts in the Diocese of York, 1560–1642* / R. A. Marchant. – London : Longmans, Green, 1960. – XII, 330 p.
17. Miller, P. *Orthodoxy in Massachusetts, 1630–1650* / P. Miller. – Boston : Beacon Press, 1959. – 319 p.
18. Lake, P. *Anglicans and Puritans? Presbyterianism and English Conformist Thought from Whitgift to Hooker* / P. Lake. – London : Unwin and Hyman, 1988. – 262 p.
19. Cosby, B. H. *Toward a Definition of «Puritan» and «Puritanism»: a Study in Puritan Historiography* / B. H. Cosby // *Churchman*. – 2008. – Vol. 122. – Issue 4. – P. 297–314.